

Даниэль Эпштейн. Лекции по философии Э. Левинаса. Литва и "фарисеи". 16 мая 2022
<https://youtu.be/jo9tm583Y7k>

Глава вторая «Литва и «фарисеи»

Эпштейн – лекции по философии Левинаса.

Есть выражение, которое означает: сначала жить, а потом философствовать. Жизнь предшествует философии (*с латыни*).

Это выражение соответствует здравому смыслу древних римлян. Но философам интересно не только сначала жить, из прочтения размышлений Декарта и критики «Чистого разума» Канта или идей Гуссерля, создается впечатление, что философия начинается со свободного решения, которое не зависит от обстоятельств жизни, кроме чтения определенных книг, которые пробуждают желание философа выйти на свой собственный путь.

То, что движет философом - это сама философия. Эпштейн не соглашается с этой латинской фразой и говорит, что желание философствовать зависит от какого-то внутреннего стремления к философии.

Левинас считает по-другому. Вначале своей книги «Интервью с Филиппом Немо» он говорит о предшествующих философии переживаниях, и даже говорит: как правило, всякая философская мысль основана на каких-то предфилософских переживаниях.

То есть что-то из жизни. Древние латиняне говорят, что философия идет от жизни, а Декарт, Кант и Гуссерль с ним не согласны. Левинас, по-видимому, согласен с древними латинянами.

В этом смысле книга-интервью, в которой Левинас рассказывает о себе, о своем рождении, о каких-то значимых встречах из своей жизни, о поисках, сопровождавших рождение его оригинальных мыслей, это не просто, чтобы удовлетворить любопытство газетчиков. Но это необходимо для того, чтобы понять, каким образом он пришел туда, куда он пришел, к своей мысли, и тоже понять, в чем состоит новость. Это его философия, она не упала с небес, а появилась в определенном человеческом контексте.

Если кто-то помнит первый урок по этой книге, то там была цитата из Хайдеггера, когда он рассказывает о биографии Аристотеля и говорит: родился, учился, творил, умер. Все остальное, излишне.

А Левинас не так, у Левинаса есть контекст. Аристотелевская философия как бы не контекстная, а Левинасовская философия вся существует в контексте. Она не упала с Неба. Это очень соответствует тому, что мы говорим очень часто про иудаизм. Иудаизм – контекстный или не контекстный? Есть те, которые считают, что иудаизм и вообще религия, христианство – они бесконтекстны, и поэтому все, что написано, так и надо делать. А другие

чувствуют контекст и говорят: «Нет, это было прекрасно 100 лет назад, а сегодня это совсем по-другому». Вопрос контекста важен.

Вчера мы читали о том, что баал тшува «огласует» текст. Он берет «неогласованный» текст, который вне контекста, и огласует его в контексте своей жизни.

Таким образом, контекст философа – это его жизнь. Можно вспомнить также рав Ицхака Гинзбурга, который всегда говорит: «Каждый философ пишет книгу о самом себе». «Каждый праведник пишет книгу о самом себе» - так он выражается, но в этом смысле каждый человек пишет книгу о самом себе. И поэтому контекст важен.

Философия Левинаса не упала с небес, а появилась в определенном контексте. Перед всяким предположением о сущности другого есть человеческий пейзаж, без которого бы не выросла эта философия.

Поэтому первый вопрос: откуда ты пришел? Левинас родился в Ковно 20 декабря 1905 года по общепринятому исчислению, или 12 января 1906 года по старому стилю. В интервью с Немо он упоминает буквально одним словом общий климат, в котором проходили его первые годы. Еврейский мальчик, способный, прилежный. На вопрос: «Как начинают думать?» он отвечает так: «Мысль пробуждается от потрясений или от поисков, которым даже нельзя дать вербальное выражение. Расставание, насилие, наблюдение насилия». Вдруг внезапное сознание монотонности времени.

Мысль начинается с потрясений, с поисков, которым даже трудно дать название, с расставания и с впечатления от насилия.

Первое, что он говорит, это зауим, травма. Это странный ответ на вопрос: «Как начинают думать?»

Философия – это пост-травма.

Отцы философии Платон и Аристотель по-другому отвечали. Их ответ, кажется, более подходит для философских занятий. Они говорили, что удивление (похоже на Гешеля), когда человек стоит и удивляется тому, что большинству людей кажется само собой очевидным - это начало философии.

Как мы сказали, наверное, абстрактная философия начинается с удивления. А какая-то контекстная философия начинается с травмы.

Но вся жизнь Левинаса прошла под знаком ужасных потрясений. Он родился через 12 лет после коронавания Николая II, за год перед первой русской революцией, когда царское правительство пыталось подавить народное восстание и вернуть прежний порядок вещей.

В 11 лет он уже пережил травму переезда из своего города и метания по России, революции 1917 года.

В 18 лет он расстается со своей семьей и едет учиться во Францию. И кроме каких-то летних визитов на каникулах, это собственно расставание с его семьей, с пейзажами детства.

Есть травма, есть расставание.

Важно подчеркнуть: вместе со словом «потрясение» также слово «расставание». Это слово будет играть решающую роль в его философии, которая так озабочена исчезновением другого человека и причинами, которые приводят к этому исчезновению в западной культуре, которая так озабочена присутствием мира.

В западной культуре исчез другой человек.

История приводит к тому, что Левинас должен был расстаться в молодом возрасте с богатым миром Литвы. В писаниях Левинаса мы не находим описания детства или Ковно, который был одним из крупнейших городов Литвы. Там жили вместе литовцы, поляки, русские, евреи, католики, лютеране, ортодоксы, православные. Разные народы и разные религии мирно уживались вместе. Как сказал литовский поэт Милош, они знали друг друга без того, чтобы приходить в гости друг к другу.

У евреев Литвы длинная история, с тех пор как они приехали туда из Германии в XVI веке. В своей книге «Во время народов» Левинас говорит о духовном образе Литвы. Он говорит об иудаизме в царской России, которая в большинстве своем была не защищена минимальными правами человека. Но еврейство России умело именно на своих массовых народных уровнях поднять ежедневную жизнь с помощью изучения Торы до уровня настоящей духовной жизни и поставить разум на охрану.

С одной стороны, это было еврейство, лишенное гражданских прав. С другой стороны, с помощью изучения Торы это еврейство сохраняло духовный уровень.

Здесь мы не будем описывать иудаизм Литвы во всех его сложностях. Тем не менее, следует отметить, что там была смесь множества культур: русская культура вместе с идишистской культурой, социалистическая культура Просвещения, социалистические движения, ортодоксы, в основном, миснагеды, мусарники (последователи Раби Исроэл Салантера). Между этими лагерями постоянно была какая-то борьба. Приверженцы традиций, против маскилим, агудовцы против советских сионистов и так далее.

Он живет в городе, где есть постоянная борьба различных направлений и течений в иудаизме.

Дальше он приводит замечательный ворт от Рабби Нахмана. Литва - это, конечно, была Вильна, в которой были представлены все эти движения, с их воспитательными учреждениями, с торговыми учреждениями. Множество газет, театров. Понятно, что дома учения, синагоги, прекрасные и бедные.

Традиционное еврейство (т.е. ортодоксальное еврейство) все еще жило под благословением, под впечатлением Виленского гаона, вся жизнь которого сводилась к одному слову «лимунт», учиться. Изучать всю Тору – открытую, сокрытую, Танах, Талмуд, книги Поским (книги законоучителей), мидраши, книгу Зоар. Гаон не занимал никакой официальной общественной должности, но указал направление для будущих поколений, учебу без пилпул, без философствования.

Пилпул – это такое формалистическое, формальное философствование.

Попытка понять буквальный смысл во всей глубине, со всей ясностью, критическое чтение текста, сравнение между различными версиями, чтобы обнаружить правильную версию (речь идет про Талмуд). Гаон не пропускал ни одной части традиции и также включал в свою учебу науку: математику, геометрию, астрономию, грамматику, любил музыку. Не любил философию даже в Рамбамовском виде. Вел бескомпромиссную борьбу с хасидизмом, особенно противостоял пантеизму, который выделялся в хасидизме Хабад, культу праведников и мистическому *двекуту*, который отдаляет человека от критического изучения Торы.

Сущностная сторона в философии Левинаса раскрывается нам здесь. Он известен как ученик двух великих германских философов – Гуссерля и Хайдеггера. Но он родился и вырос совершенно в другом обществе, чем то, которое он потом узнал во Франции. Он родился в еврейской миснагедской среде. Это была среда, обладавшая особым духовным образом, которая видела в учебе самое высокое духовное и религиозное переживание.

В своей первой книге, которую Левинас опубликовал на еврейскую тему в 1963 году «Тяжелая свобода», первая часть называется «За пределами патетики». И дальше приводится цитата из Раши: «Чтобы не заходили пьяными в Храм».

Это Алаха (закон), которая появляется в Микра (в Пятикнижии) после истории двух сыновей Аарона, Надава и Авиу, которые зашли в Мешкан с чужим огнем, и погибли, когда вышел Огонь от Всевышнего. Эта Алаха – не приходить в храм в опьянении - это звучит как лейтмотив интерпретации иудаизма в писаниях Левинаса.

Весь Левинас – это не входите в храм пьяными. Очень красиво.

Таким было Ковно, еврейское Ковно, как ее запомнил Левинас. Иудаизм без пафоса, без нуминозности (мы как раз немного об этом читали вчера), без экстаза, с сильным акцентом на независимость человеческого духа.

Божественную трансценденцию невозможно достичь, отказываясь от человеческой природы, но только посредством полного использования этой природы.

Божественной трансценденции человек достигает, не выходя из себя, а наоборот, используя те природные силы, которые у него есть. По-видимому, прежде всего, силу разума.

Когда Левинас оставляет Ковна и приезжает во Францию в 1923 году, ему 18 лет. Он привозит с собой религиозную чувствительность, которая была для него, прежде всего, жадой знаний и стремлением к полной духовной независимости.

Вопрос – был ли он религиозный? Вот ответ: да. Его религия – это полная духовная независимость и жажда знаний. Прекрасно. Ученик Виленского гаона, другими словами.

Это стремление привело его к философии. Знал ли он, что он должен будет бороться с современным атеизмом в виде Мартина Хайдеггера? Мог ли он тогда предположить, оценить те опасности, которые несет в себе атеизм?

Что Левинас думает про атеизм? Дальше статья, которую мы начали читать, говорит кое-что об этом. Но это в другой раз.

Объявляя о независимости человечества (это цитата из Левинаса), настаивая на этой независимости перед реальностью, разрушая понятие нуминозного (сверхъестественного), здесь есть опасность атеизма.

В заявлении о независимости человека, в том, чтобы придерживаться этой независимости перед реальностью мира, и разрушая понятие нуминозного – в этом есть опасность атеизма.

Нуминозное означает религиозный экстаз.

Нуминоз означает религиозное переживание как мистическое переживание, соединение с мистической областью, которая выше, чем человеческие чувства, и выше человеческого понимания.

То, что называется битуль, самотрансценденция в хасидизме.

В том, чтобы сохранять независимость, есть проблема атеизма. Нужно что-то делать с атеизмом.

Дальше он говорит удивительно.

Только через атеизм человек достигает духовного понятия трансценденции.

Не пройдя через атеизм, человек, другими словами, не может найти Б-га. Парадокс. Чтобы найти Б-га, нужен атеизм.

Это большая честь для Творца, который сотворил творение, которое объявляет о его существовании после того, как оно отрицает его, поскольку было в плену мифа и воодушевления.

Великая слава для Творца, который сотворил творение, которое объявляет о его существовании после того, как оно отвергло его. Сказало: «Б-га нет». Почему? Потому что было в плену у мифа и воодушевления.

Освобождаясь от чар мифа и экстаза, от религиозного опьянения, человек успокаивается, говорит: «Б-га нет, успокойтесь». Но интересно, что следующим этапом он говорит: «Б-г есть». И это парадокс. Левинас говорит: невозможно прийти к настоящей вере, не пройдя через отрицание.

Великая слава Всевышнему, что создал того, кто может найти Его и услышать Его издавна, из расставания, то есть из атеизма.

Другими словами, он говорит: не надо бояться атеизма.

Когда задают вопрос: «Как человек должен относиться к мыслям о безбожии?», еретическим мыслям. Всегда это страшно для религиозного человека, есть много всяких объяснений. Классическое объяснение – что это ецера, это дурное начало, которое сбивает человека с толку. Он говорит: нет, это просто период взросления, нормально, атеизм – это часть пути к Б-гу, парадоксальным образом.

Гемара в трактате «Таанит» комментирует стих в Йермиягу 2-13: «Ибо две мерзости сделал мой народ, меня оставили источник живой воды и пробили себе колодцы разбитые, которые не вмещают воду».

Меня оставили и сделали колодцы, не вмещающие воду.

Сказал Рабби Йоханан: «Это одно, которое равно двум». И что это? Это Авода Зара, это идолопоклонство, язычество.

В Талмуде подчеркивается двойной характер идолопоклонства. Тот, кто не знает настоящего Б-га, это половина проблемы. Атеизм лучше, чем мифическая религия. Монотеизм как бы строится на базе атеизма и включает его. Но только тот, кто пришел к сомнению, одиночеству и восстанию, способен его понять.

Еще раз. Не надо бояться атеизма. И мифическая спиритуалистская вера в известном смысле хуже, чем атеизм. Страшно... Кто бы такое дал мне прочитать 30 лет назад.

Также Авраам, отец монотеизма, боролся с этой опасностью. Известный мидраш говорит, как Авраам разбивает идолов своего отца и кладет топор в руки самого большого идола, чтобы не брать на себя ответственность в разрушении. Его отец Терах, по-видимому, уже понимал, освободился от этой догмы идолопоклонства, и он не верит этой истории. Он знает, что ни одна статуя в мире не способна разбить статуи. Только человек разбивает статуи.

Авраам был первым разрушителем идолов. Но недостаточно разбить старых идолов. Нужно еще, чтобы старое идолопоклонство не заменилось на новое. И эта проблема существует, эта опасность существует также в XX столетии. В дальнейшем Левинас должен бороться с этой опасностью, когда он видит, что великий разбиватель идолов Хайдеггер превратил бытие тоже в объект поклонения.

Хайдеггер предложил бытие как объект поклонения.

И он должен бороться с возвращением паганизма.

Он говорит: фактически философия Хайдеггера – это паганизм, язычество.

Комментарий Паши:

- Грин делает то же самое – возводит бытие... Это паганизм чистейшей воды. Очень понятно.

- Делает ли то же самое Спиноза? Скорей всего, да.

- Насколько я слышал утверждение людей из круга Левинаса, Спиноза, кажется, делает то же самое.

- Пантеизм – та же самая идея. Мы говорим о том, что все развитие западной философии как бы в эту сторону. Странно вообще. Хайдеггер, который пытается найти какой-то новый путь, и, в конечном счете, скатывается в тот же самый культ.

- Может быть, развитие современной философии, Левинас как раз из этого. Я себе позволил суть дальше прочитать. И там он подходит, наоборот, к такому выводу, что

риск атеизма, который заложен в иудаизме, приближает его к философии. И тут я перестал читать. Но философия там идет своим путем, современная философия заворачивается в сторону. А по всей видимости, Левинас говорит о классической философии, то есть то, что стоит у истоков западной мысли. Не знаю, как там насчет современной.

- Прочитаем потом. Так или иначе, он обнаруживает, что Хайдеггер тоже построил какой-то храм идолопоклонства, превратив бытие в объект поклонения. Он должен бороться с возвращением паганизма, с мифическим поклонением мнимой святости мироздания.

В следующей главе я расскажу, как этот молодой литовский еврей встречается с двумя основателями феноменологии, как он начинает формулировать свою собственную позицию в начале 30-х годов, когда он чувствует в своем сердце, что будет дальше.